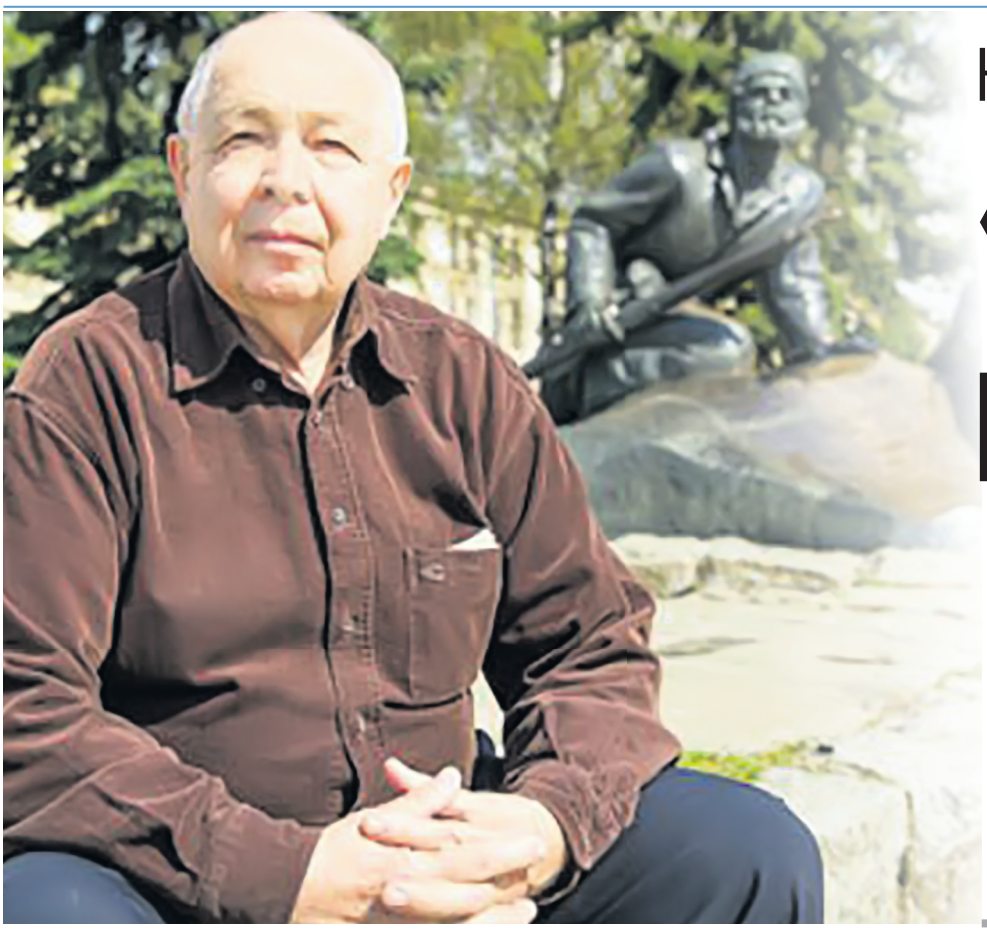

Юрий Градов: «Я и сам молодежь!»

Его фамилия, словно намекающая на избранность и божий дар, – в корне ласкающих ухо слов «градостроитель», «градооберегатель», «градоблюститель». Сам Юрий Михайлович говорит, что ее придумали работники детского дома для его дедушки еще в XIX веке. Известно, что имя во многом определяет последующую жизнь его обладателя, и биография архитектора Градова не исключение из этого правила. Беседуем с заслуженным архитектором профессором Международной академии архитектуры Юрием Градовым о том, как он стал одним из самых известных зодчих Беларуси.

НАШЕ ДОСЬЕ:

Юрий Градов – заслуженный архитектор Беларуси. Вместе с другими знаменитыми архитекторами работал над созданием мемориальных ансамблей «Хатынь», «Прорыв», «Катюша», «Проклятие фашизму». Участвовал в реконструкции и застройке столицы. Известен как автор памятников Я. Купале и Я. Коласу в Минске, памятника Н. Гастелло и его экипажу около г.п. Радошковичи, ансамбля «Звездочет» на площади Звезд в центре Могилева.

В 1970 году авторы «Хатыни» получили самую престижную и самую высокую в СССР награду – Ленинскую премию. Юрию Градову было тогда 36 лет, его коллегам – на 2-3 года меньше.

Фото Максима ГУЧЕКА, БЕЛТА

– Юрий Михайлович, вы родились и выросли в России. Какими ветрами занесло вас в наши края?

– Я родом из Череповца, что стоит на красивейшей судоходной реке Шексне. Это город с богатой историей, к которой и поныне его жители относятся очень бережно. Так, реконструировали главную достопримечательность – улицу Советскую с домом-музеем, где появился на свет известный художник-баталист Василий Верещагин. На номерных знаках домов осталось и прежнее название улицы – Воскресенская. На мой взгляд, это хороший пример, как без особых затрат сохранить историческую память.

В Минске оказался проездом. После окончания Московского архитектурного института два года отработал в Киргизии. Планировал с семьей обосноваться в Киеве. Ехал к большой реке, но по дороге остановился в Минске, который произвел неизгладимое впечатление. Вот и притормозил здесь, как оказалось, на 60 последующих лет. А дальше все удачно сложилось: работа в «Минскпроекте», знакомство с архитекторами Леонидом Левиным, Валентином Занковичем, Сергеем Селихановым...

– Когда началась война, вам было семь лет. Какие детские воспоминания сохранились с той поры?

– Она застала нас в Пскове. Наша семья жила в деревянном доме с садом. Уже на третий день войны город подвергся бомбардировкам. Вой падающих снарядов помню до сих пор. Отец вскоре ушел на фронт, а нас эвакуировали на поезде, который по дороге сильно бомбили. Приютил семью Лукоянов – город, расположенный в Нижегородской области. Поначалу пришлось какое-то время пожить в школе… Там мы однажды, помню, угорели, и приводили семью в чувства прямо на снегу. Мама устроилась бухгалтером в колхоз. Затем нас поселили в доме по адресу «Красная площадь, 17». Это очень популярное название в исторических городах России. Красная – значит красивая. Кстати, не случайно, наверное, Лукоянов и Глубокое (Витебская область) являются городами-побратимами. Мой отец в войну освобождал Минск, и, быть может, есть Божий промысел в том, что здесь я живу и работаю более полувека.

– Мемориальный комплекс «Хатынь» принес вам и вашим коллегам мировую известность. Это аутентичный проект с восстановленным расположением улиц, домов, сараев, колодцев. Обелиск на месте печной трубы, напоминающий скорбную свечу, и колокол наверху. Были опасения, что в свете тогдашней борьбы с религией вам запретят использовать символ божественной литургии?

– Да, такие опасения были, но, к счастью, эта идея понравилась Машерову, а возразить ему не решился никто. Кстати, по задумке колокола не должны были звучать одновременно. Звонница начиналась с колокола на конце деревни, ее подхватывал другой – на противоположном краю, звук нарастал к центру, затем возникала пауза – и все повторялось сначала. Но в процессе земляных работ тракторист повредил провода, их так и не удалось соединить. Хочется верить, что когда-нибудь это случится, и мы снова добьемся прежнего объемного звучания.

– Правда ли, что накануне строительства мемориала «Хатынь» у вас случился конфликт с Машеровым?

– Не совсем точно. Дело было так. Внезапно меня, Левина и Занковича срочно вызвали в ЦК КПБ. Петр Миронович встретил нас у себя в кабинете. Бросив взгляд на пачку документов на столе, произнес: «Вынужден из-за вас отпуск отложить. Поехали!» Садимся все в машину и молча едем. У места назначения, где раньше стояла Хатынь, Машеров задает вопрос, почему вопреки его распоряжению решили строить мемориал в лесу, а не у дороги, в другой деревне, которую он сам выбрал. Мы объяснили, что ту деревню сожгли не немцы, а партизаны, узнав, что в ней останавливаются каратели, а местные жители из нее ушли. И тогда Петр Миронович дал добро, утвердив наш хатынский проект.

– Вы преподаете архитектурный дизайн в Белорусском государственном университете. Не трудно работать с нашими продвинутыми и требовательными студентами? Нет ощущения, что между вами пропасть?

– Ни на секунду! Я и сам молодежь! В свои 86 вожу машину, избавился от вредной привычки курения, много двигаюсь... Да и с немалой педагогической нагрузкой в вузе справляюсь, как мне кажется, неплохо. Недавно прошел переаттестацию. Получаю огромное удовольствие от общения с нынешней молодежью. Вижу, что она очень активна, энергична, открыта к творчеству и смелым новациям. Мы не только изучаем азы профессии, но и ставим с ребятами мини-спектакли, причем некоторые весьма необычные – по мотивам известных мастеров искусства. С удовольствием и сам участвую в постановках: недавно, к примеру, был в роли Питера Брейгеля. Веду со студентами разговор на равных. Обсуждаем последние новинки дизайна, даю необычные задания.

– Похоже, общение с молодыми и есть ваш рецепт долголетия?

– Безусловно, а еще любимое дело, востребованность и крепкая семья.

Елена ЕЛОВИК

Фото Александра ХИТРОВА, БЕЛТА

Мемориальный комплекс «Катюша» в Орше.